

Штрихи к творческому портрету народного артиста Казахской ССР Капана Бадыева

ЖИВУ ТЕАТРОМ...

Древняя, как мир, истина гласит: «Жизнь прожить — не поле перейти». В год, когда далеко на востоке Казахстана, у подножия Чингизских гор закончился жизненный путь поэта-мыслителя Абая Кунанбаева, в другом уголке казахской земли, на берегу степного озера под Кустанаем, в семье бедняка-скотовода появился на свет мальчик, нареченный Капаном.

Эти события: скорбное для целого народа и рождение еще одного ребенка в большой семье простого шаруа — вряд ли можно было бы как-то связать, если бы не последующие стечения многих обстоятельств.

Первой книгой, которую прочел Капан, овладев вместе со своими сверстниками арабской вязью у аульного муллы, была «Гаклия» («Назидания») Абая, переписанная кем-то от руки. Особенно поразило мальчика слово, обращенное к его поколению: «О, дети, утешение моего сердца! Все, что я написал о человеческом характере и жизни, оставляю вам на память. Прочтите эти строки без равнодушия, и вы проникнетесь ко мне любовью. Стремление к истине и постижение ее рождаются высоким сознанием, сознание же человека определяется его человечностью, умом и интересом к науке».

Спустя почти четыре десятилетия народный артист Казахской ССР Капан Бадыев талантливо сыграет в спектакле «Абай» роль одного из учеников поэта-демократа — Карима. Вместе с ним успех пьесы на сцене Казахского академического театра драмы разделят Калибек Куанышпаев, Серке Кожамкулов, Шакен Айманов и другие мастера национальной сцены.

Пройдет еще несколько трудных лет, охваченных пожаром войны, советские люди уничтожат фашистскую нечисть и снова приступят к мирному созидательному труду. В конце 1949 года коллектив театра покажет новую свою значительную работу — сценическую композицию «Абай» по известному роману Мухтара Ауэзова. Одним из авторов инсценировки и режиссером-постановщиком был Шакен Айманов. Он стремился утвердить в театре реалистическое направление, найти свой подход к исторической пьесе, где «высокая патетика и романтическая приподнятость сочетались бы с глубиной мысли, с психологической разработкой ролей». Шакен сделал это вполне

успешно, на высоком художественном уровне еще и потому, что рядом с ним были прекрасные актеры-единомышленники, хорошо знающие и любящие Абая. Заглавную роль в драме, которая охватывала длительный период жизни поэта, исполняли два актера: юношу Абая играл молодой тогда Исмаилов, а со второго акта и до конца спектакля роль полностью переходила к Бадыеву. Выдающийся деятель советского искусства Юрий Завадский писал в «Казахстанской правде» весной 1952 года: «В исполнении Бадыева текст звучит значительно, есть в нем та внутренняя мощь, которая придает исполнению полную убедительность».

В сущности, между первыми впечатлениями Капана Бадыева о прочитанном в далеком детстве и его лучшими ролями лежит целая эпоха в жизни нашей республики и творческой деятельности сегодняшнего мастера, которому исполнилось 80 лет. Не без улыбки он рассказывает:

— До театра я познал сравнительно хорошо еще одно искусство — хлебопашество. Работал в поле: погонял быков, ходил за плугом... В 1925 году пять дворов нашего аула объединились в артель. Советская власть помогла нам купить жатку и косилку. Было у нас еще три лошади. Целое богатство!

Но юному Капану не суждено было стать хлеборобом. Уже тогда он участвовал в аульной самодеятельности — ему поручали... женские роли, которые играть казахским девушкам запрещали родители. Спектакли драмкружка приносили его потом в КИНО — так сокращенно назывался Казахский институт народного образования, открытый в Оренбурге.

Способная аульная молодежь жадно тянулась к свету и знаниям. Кроме КИНО, в Оренбурге были еще ТИНО — Татарский институт народного образования, педагогический институт, совпартишкола, медицинский техникум, женские курсы... В них готовились кадры национальной интеллигенции — будущие партийные и советские работники, актеры и писатели, врачи и учителя...

Средоточием культурной жизни города стал молодежный клуб имени Я. М. Свердлова. В личном архиве Капана Бадыева до сих пор хранится членский билет № 606 на право посещения клуба и участия в художественной самодеятельности. Каждую неделю в стенах бывшего купеческого особняка устраивались «Восточные вечера» с концертами, где звучали казахские, русские и татарские песни и музыка,

ставились одноактные пьесы и где просто танцевали под звуки домбры и старенькой гармонии. Сколько же интересных людей было вокруг! В одном из спектаклей увлеченно играл Сабит Муканов. Легендарный комиссар Алиби Джангильдин, ставший наркомом труда в молодом правительстве Казахстана, пел шуточную «Жирмабес», искусно импровизировал на домбре Елеубай Умурзаков...

Нет, совсем не зря говорит казахская пословица: «Путник в пути обретает друга». Из КИНО вышло почти все творческое ядро первого профессионального театра для казахского народа. Это были соратники и друзья по искусству. Их дружба продолжалась не год, не два, а многие десятилетия.

Все они — и Калибек Куанышпаев, и Серке Кожамкулов, и Елеубай Умурзаков, и несравненная Куляш Байсеитова, сыгравшая в театре драмы около 30 ролей, были уже известными артистами, но они продолжали постоянно учиться — учиться трудному искусству перевоплощения, сценическим законам, овладевали лучшими традициями русской и мировой театральной классики. Репертуар обогащался психологическими пьесами Мухтара Ауэзова «Энлик-Кебек», «Карагоз» и «Тунги сарын», современными спектаклями «Хлеб» В. Киршона и «Мой друг» Н. Погодина, гоголевским «Ревизором» и «Прodelками Скапена» Мольера, которые ставили русские и казахские режиссеры.

Почти каждый вечер актеры играли в разнохарактерных и разножанровых пьесах, а днем и ветераны, и молодежь занимались в студии, открытой при театре. Курс русской и зарубежной литературы читала слушательница Аня Степанова — выпускница Саратовского педагогического института. Через некоторое время она стала женой Капана Бадыева, которой он обязан не только любовью к Пушкину и Лермонтову, Шекспиру и Гете, но и всей прожитой счастливо, как одно мгновение, жизнью. В прошлом году чета Бадыевых отменила в семейном кругу золотую свадьбу. Поздравить родителей приехали из Москвы и Ленинграда сыновья — архитектор Владлен и инженер-конструктор Олег. Пришла со своим мужем и старшая дочь Алина — кандидат биологических наук.

Не забыл, да и не может никогда забыть Капан Уралович, как помогала ему жена в работе над многими ролями, особенно в спектакле «Отелло», который стал этапным в его творческой биографии. Многими часами просиживали они в библиотеках над пьесами Шекспира и монографиями о нем. Напряженная работа над ролью длилась пять месяцев — изо дня в день.

В Москве Бадыев встретился с народным артистом СССР А. А. Остужевым, создавшим образ Отелло на сцене Малого театра. По словам выдающегося русского актера, он играл не трагедию ревности, а трагедию обманутого доверия. Такая трактовка образа импонирует Капану Ураловичу, в его игре не было ни всплеск страстного гнева, ни приступов необузданной ревности. «Отелло не ревнивец, не зверь, обуравый страстью, а человек широкого ума, с большой и доверчивой душой, ставитель подлинного гуманизма», — говорил он.

Шестнадцать раз поднимался занавес театра после премьеры спектакля. Шестнадцать раз выходили на сцену смущенные и счастливые актеры. Их тепло приветствовал переводчик «Отелло» на казахский язык Мухтар Ауэзов. Писатель от всей души поздравил исполнителей с большим творческим успехом и новым значительным рубежом в жизни театра.

Осенью 1964 года Казахский академический театр драмы показывал свои лучшие работы на сцене Кремлевского театра в Москве. В трех спектаклях из пяти играл народный артист республики Капан Бадыев.

Его творческий диапазон необычайно широк и многогранен. Мугалим Сафа, верно следующий заветам Абая о просвещении своего народа («Тунги сарын») и комиссар-ленинец Дмитрий Фурманов («За Октябрь»), поручик Яровой («Любовь Яровая») и Намыс-улы («Гвардия чести»), сенатор Ленгдон («Глубокие корни»), генерал-полковник, герой Сталинградской битвы («Победители») и Эдуард IV («Король Ричард III») — в общей сложности более 170 ролей и столько же премьер на сцене театра, который за 60 лет творчества стал его родным домом.

Есть у ветерана казахского искусства еще одна давняя привычка, непреодолимая любовь — кинематограф. Он играл вместе с Елеубаем Умурзаковым и Серке Кожамкуловым в первом казахском художественном фильме «Амалгельды», с Шакеном Аймановым и Курманбеком Джандарбековым — в биографической картине «Джамбул», первой цветной ленте нашей студии.

В годы войны Алма-Ата стала кинематографической столицей страны. На базе эвакуированных к нам «Мосфильма» и «Ленфильма» была создана Центральная объединенная

киностудия. В художественных фильмах и боевых сборниках ЦОКСа снимались и казахские актеры. Режиссер В. Строева привезла из Москвы незавершенный сценарий С. Михалкова, И. Прута, рассказывающий об одном из трагических эпизодов войны, когда гитлеровцы, прикрываясь русскими женщинами и детьми, пошли в атаку на наши позиции. Продолжила работу Строева над сценарием уже вместе с Габитом Мусреповым. Он помог создать образ казаха-солдата Айманова, которого очень достоверно сыграл в фильме «Сын бойца» Капан Бадыев, а в роли его друга-снайпера Воробьева выступил известный русский актер Олег Жаков. Когда этот фильм показывали фронтовикам, они считали его документальным.

Да, жизнь прожить — не поле перейти. В своих воспоминаниях, переведенных недавно на русский язык, Капан Бадыев пишет: «Далекое тридцатые годы... В свободное от сцены время я стою за кулисами и наблюдаю за игрой любимых актеров. Я не вижу в их игре даже малейшего изъяна. Я прихожу в театр каждый вечер, независимо от того, занят сам в спектакле или свободен. Смотрю спектакли по нескольку раз и думаю: «Неужели я тоже овладею таким мастерством, каким обладают актеры нашего театра?». Я жил театром!».

И сегодня, когда ветерану казахской сцены, народному артисту республики Капану Бадыеву исполнилось 80 лет, он говорит о себе:

— Я живу театром!

Олег МАЦКЕВИЧ.